

А. С. Пученков

**Антибольшевистское движение на
Кубани в начале гражданской войны
(ноябрь 1917 г. – март 1918 г.):
к истории отряда генерала
В. Л. Покровского**

В данной статье будет рассмотрен вопрос о возникновении антибольшевистских добровольческих отрядов на Кубани и об их роли в эскалации гражданской войны в регионе. В конце 1917 – начале 1918 г. события на Кубани во многом повторяли то, что происходило на Дону. Так же как и Дон, Кубань и ее вожди стремились избежать гражданской войны, занимая позицию «нейтралитета» по отношению к внутрироссийским конфликтам. Между тем события в столице Кубани, Екатеринодаре, наглядно показывали, что может произойти и во всем регионе в целом — причем в самое ближайшее время.

Екатеринодар, как и вся Россия, стремительно большевизировался. В городе стали распространяться слухи о «Варфоломеевской ночи», которую готовят буржуазии после захвата Екатеринодара большевики. Стало известно, что у большевиков в городе существует подпольный штаб, готовящий восстание. Буржуазия, занявшая поначалу трусливо-выжидательную позицию, стала опасаться выступления большевиков и выделять средства на военные нужды и на помощь многочисленным офицерам, находившимся в городе¹. В Екатеринодаре стали формироваться добровольческие отряды.

История возникновения этих отрядов весьма интересна. Кубань, как и Дон, подпадала под влияние большевистской идеологии, а Законодательная Рада и правительство края опасались захвата власти анархическими элементами. По Кубани ходили упорные слухи о том, что сохранившая свою боеспособность 39-я пехотная дивизия, прозванная «Железной», и возвращавшаяся с некогда грозного Кавказского фронта, самочинно хочет явить-

**Пученков
Александр Сергеевич,**
*кандидат
исторических наук
(Санкт-Петербург)*

ся в область, захватить власть и установить на Кубани свой порядок. Штаб Кавказского фронта согласился на отправление 39-й дивизии на Северный Кавказ, где ее офицерский состав был немедленно разогнан, половина дивизии дезертировала, а оставшиеся составили затем ядро большевистских сил, боровшихся против Добровольческой армии. 39-я дивизия сыграла огромную роль в установлении советской власти в регионе, и ее заслуги в этом всеми признавались и «сердечно приветствовались»². Правительство приняло все меры к тому, что не допустить прибытия этой дивизии, однако все войсковые части, посланные и правительством, и Главнокомандующим Кавказским фронтом генералом М. А. Пржевальским, эту задачу не выполнили. Видя сложившееся положение, правительство края решило установить должность командующего всеми войсками Кубани. Однако первый командующий — генерал К. К. Черный — со своими обязанностями не справился, а его преемник, генерал Н. А. Букретов, уже через несколько дней отказался от должности, заявив, что не желает быть командующим, потому что считает это дело проигранным. «Спасать Кубань одними офицерами я не могу», — сказал Букретов, на место которого поставили старого казака — генерала И. Е. Гулыгу³. Рядовое казачество в отряды не пошло. Тогда — от безысходности — и началось формирование добровольческих отрядов.

Иногороднее население, привлекаемое в отряды щедрыми обещаниями надления землей после окончания боевых действий, сражаться за казачье правительство не желало. А местное население, несмотря на то, что высказывало в приговорах станичных сходов доверие «Краевому Правительству, Краевой Законодательной Раде и готовность стать на их защиту»⁴, по сути своей, от участия в событиях отстранилось.

Первый добровольческий отряд на Кубани под командованием войскового старшины П. Галаева возник еще в ноябре 1917 г. Галаева принято считать «первым героем Кубани в гражданской войне»⁵. В декабре 1917 г. начинает формироваться второй добровольческий отряд под командованием бывшего военного летчика, капитана В. Л. Покровского. Еще в ноябре того же года Покровский подал на имя члена Краевого правительства по военным делам Н. М. Успенского проект положения о Добровольческом отряде Учредительного Собрания, который изначально был отклонен председателем правительства Л. Л. Бычем. В проекте говорилось о необходимости защиты «прав народа в лице свободного Всероссийского Учредительного Собрания» и охраны «учредилки», долженствующего быть созданным на основании Закона о выборах в Учредительное Собрание, изданного Временным Правительством. По предположению Покровского, правомочным Всероссийским Учредительным Собранием «почитается Собрание, признанное объединенным Правительством Юго-Восточного Союза». Покровский просил на первое время выделить ему в Екатеринодаре или же «в каком-либо ином не слишком отдаленном пункте области» помещение, рассчитанное на содержание в нем 1000 человек-добровольцев⁶. Поначалу предложение Покровского не нашло поддержки; «запорол» инициативу вчерашнего летчика Быч, не пришлось по вкусу

идея добровольческих формирований и командующему войсками Кубанской области генералу Букретову⁷. На заседании правительства Быч мотивировал свой отказ: «Пусть (Покровский. — А. П.) едет к себе в Нижегородскую губернию формировать такие отряды...». Первая неудача не обескуражила Покровского: «он в качестве самочинного “кубанского добровольца” сумел организовать вокруг себя небольшую группу молодежи, один-два удачных налета на образовавшиеся около Екатеринодара, у станции Тимошевской, большевические гнезда сделали его имя популярным, и отряд его стал разрастаться без содействия Л. Л. Быча», — вспоминал об этих событиях член Рады Д. Е. Скобцов⁸.

В январе 1918 г. был создан самый большой добровольческий отряд «Спасения Кубани», организатором и командиром которого стал георгиевский кавалер Генерального Штаба полковник Н. П. Лесевицкий⁹. Ядро отряда «Спасения Кубани» составили только что прибывшие с фронта офицеры 5-й Кавказской казачьей дивизии, во главе с казаком станицы Ладожской полковником Г. Я. Косиновым¹⁰. Видя организацию вооруженных сил Рады, на путь создания своих военных сил стали и просоветские элементы. Так, в частности, в большевистской листовке, обращенной к «рабочим, крестьянам, казакам и солдатам», содержался призыв к объединению «вокруг своих Советов и их военно-революционных комитетов» и к вступлению в «грозную революционную армию»¹¹.

22 декабря 1917 г. в Екатеринодаре был созван областной крестьянский съезд. Предполагалось, что этот съезд иногородних будет работать совместно с казачьей Радой. Однако уже первое заседание съезда показало несбыточность этих желаний. Противоречия между иногородними и казаками были настолько глубоки, что на первом же заседании значительная часть иногородних и часть казаков-фронтовиков оставила съезд и образовала свой, левый по политическим взглядам, съезд. Последний на своем заседании, проходившем в театре «Монплеизр», признал советскую власть, считая, что «законы этой власти являются правильными и обязательными для всей страны»¹². Кроме того, часть делегатов съезда приняла решение об организации своей революционной армии, и о необходимости установления связи со всеми воинскими частями, стоящими в пределах Кубани. Установление этой связи было поручено избранному на совещании комиссару Тимофееву. На остальных членов группы возлагалась задача организации революционных отрядов из беднейшей части населения области. На левом съезде иногородних был избран из 15 человек Кубанский областной совет народных депутатов, которому и поручалось на 2 февраля 1918 г. созвать областной съезд советов. Последний должен был решить: будет ли на Кубани власть находиться в руках Рады, или же на Кубани, как и во всей России, власть перейдет к советам. Исполнительному комитету было также поручено организовать советы там, где их еще не было, с таким расчетом, чтобы представительство на предстоящем съезде советов было от всей Кубани. Краевое казачье правительство, видя большую для себя опасность в созыве съезда советов, решило этого созыва не допускать, и тотчас же арестовало часть избранных членов

исполкома. Совету народных депутатов ничего больше не оставалось, как готовиться к вооруженной борьбе и вооруженной защите предстоящего съезда советов.

30 января 1918 г. в ст. Крымской членами совета народных депутатов, избегнувших ареста, была созвана небольшая конференция из представителей тех станиц, в которых уже были свои советы (Екатеринодарского и Таманского отделов). На этой конференции, помимо рассмотрения общих организационных вопросов, был избран Военно-революционный комитет, принявший на себя обязанности организации вооруженного выступления против Рады. Председателем Военно-революционного комитета был избран большевик Ян Полуян. В станицах Кубани большевиками была развернута агитация, направленная против Рады¹³. Вскоре после создания Военно-революционного комитета часть его членов отправилась в Новороссийск, чтобы там, совместно с Новороссийским советом, организовать несколько боевых отрядов и повести их на Екатеринодар¹⁴. В Новороссийск на совещание прибыли делегаты и от 39-й дивизии Кавказского фронта — дело в том, что для бросившей фронт Кавказской армии Новороссийск был единственным пропускным пунктом в Россию.

6 декабря 1917 г. в Новороссийске был созван съезд Советов Черноморья, сыгравший важную роль в деле борьбы за советскую власть на Кубани и Черноморье, а особенно — в деле организации вооруженных отрядов Красной гвардии. Съезд приветствовал решения II Всероссийского съезда Советов и учредил Советскую власть в Черноморской губернии¹⁵. Советская власть в городе присутствовала, однако не хватало большевистских кадров; как и на всем юге, в Новороссийске шла упорная борьба за влияние в Советах между большевиками, меньшевиками, эсерами и представителями матросской вольницы — анархистами¹⁶. Местная буржуазия, обложенная по приказу главного комиссара Черноморского флота В. В. Роменца крупной контрибуцией, попритихла¹⁷. Одновременно шла организованная Советской властью борьба с поголовным пьянством, закончившаяся, если верить воспоминаниям председателя Новороссийского Совета рабочих и солдатских депутатов М. М. Лучина, тем, что попытки к уничтожению вина «оканчивались почти всегда тем, что те, кто уничтожал, начиная с руководителя и кончая исполнителями — оказывались пьяными — и тогда начинался опять разбой. Ничего противопоставить этому нельзя было, вооруженной силы организованной не было, а агитацией сделать было можно очень мало»¹⁸. Новороссийск продолжало «лихорадить» в течение 1917–1918 гг.

На совещании в ст. Крымской был принят план наступления на Екатеринодар, который предполагалось окружить кольцом и взять штурмом. С 1 на 2 февраля Новороссийский отряд, возглавлявшийся председателем Новороссийского совета большевиком А. А. Яковлевым и заведующим военным отделом И. А. Серадзе, в боевом порядке выступил на Крымскую, расположенную в нескольких десятках верст от Екатеринодара. Отряд насчитывал 350 не обученных военному делу красногвардейцев — преимущественно рабочих железнодорожных мастерских и цементного завода. С отрядом шло 4 легких орудия под командованием перешедшего

на сторону большевиков поручика Богданова. На пути следования отряда к нему примкнуло еще около 100 человек, часть из которых были кавалеристы¹⁹. Кавказская армия большой помощи Новороссийскому отряду не оказала, желания драться у измученных войной фронтовиков не было²⁰. 3 февраля 1918 г. (н. ст.) силы Новороссийского отряда заняли разъезд Энем. Количественное и военно-техническое преимущество на данном участке фронта было у белых, на руку которым сыграло также и то, что, благодаря предательству поручика Богданова, красная батарея оказалась в руках белогвардейцев²¹. Как следствие, отряды Галаева и Покровского, усиленные двумя взводами отряда «Спасения Кубани» у разъезда Энем разбили крупные, хотя и дезорганизованные силы большевиков, которым в решающий момент ударили в тыл местные жители-черкесы²². Понесся большие потери (в числе убитых были командиры отряда — Яковлев и Серадзе), красные отступили²³. В Энемском бою погиб войсковой старшина Галаев, а лавры блестящей победы достались Покровскому, которому после разгрома большевиков «был устроен триумф по типу цезаревских»²⁴. Герой был встречен атаманом А. П. Филимоновым и председателем правительства Л. Л. Бычем на вокзале, тут же его капитанские погоны были переменены на полковничьи, а самого новоиспеченного полковника в прямом смысле слова носили на руках²⁵. Красные тем временем стянули против «покровцев» и отряда Лесевичского крупные силы²⁶. Энемский бой был началом организованных боевых действий на Кубани. Инициатива в действиях на Кубанском фронте принадлежала большевикам, обладавшим численным превосходством над противником²⁷.

Угроза скорой большевизации Кубани испугала правительство, и Покровский стал получать всестороннюю поддержку: при поддержке управляющего екатеринодарским отделением Государственного банка Е. А. Сикорского, на имя военного министра Кубанского краевого правительства Бардижа был открыт текущий счет, на который местной буржуазией была переведена сумма около 150 тыс. руб. — «на создание армии имени Учредительного Собрания»²⁸. Магия успехов Покровского и страх перед большевиками расшевелили даже местных финансовых тузов, в конце концов все-таки выделивших необходимые средства на содержание кубанских антибольшевистских партизанских отрядов.

Заслуги Покровского в деле борьбы с советской властью были действительно неоспоримы. Покровский действовал жестоко, практикуя бессудные убийства арестованных «при попытке к бегству», уличены «покровцы» были и в грабежах²⁹. Члены правительства предпочитали от него дистанцироваться, не вмешиваясь, однако, в деятельность полковника, и надеясь на то, что жестокие методы Покровского помогут остановить «красную угрозу»³⁰.

Бои кубанцев с большевиками продолжались полтора месяца, постепенно советским войскам удалось создать кольцо окружения вокруг своего противника. К концу февраля красные вышли к самому Екатеринодару.

К тому моменту первенство Покровского, всегда и во все времена своей служебной карьеры демонстрировавшего непреклонную силу воли, не стеснявшегося «в средствах к са-

морекламе»³¹, в антибольшевистском движении на Кубани обозначилось совершенно очевидно. Невысокий, коренастый офицер-картузник, как презрительно именовали кубанские казаки всех, не принадлежавших к их сословию, посреди общей растерянности и хаоса, царившего на Кубани, сумел продемонстрировать редкое властолюбие, энергию и незаурядные способности организатора и командира, попав в фавор к Раде, видевшей «во временном успехе Покровского отведение грозной руки судьбы в сторону»³². О том, насколько нейтрально Кубань в целом отнеслась к большевизации края, говорит то, что единственной крупной фигурой, сумевшей организовать вооруженное сопротивление Советам, стал неказак Покровский³³. Именно Покровский и был назначен командующим Кубанской армией, а начальником штаба при нем был назначен природный казак Генерального штаба полковник В. Г. Науменко³⁴.

Возможно, что покровцы могли бы задержать продвижение красных к кубанской столице, но в Выселках, важном пункте на пути Екатеринодару, отряд Покровского был захвачен врасплох. Поговаривали, что «покровцы пропили Выселки»³⁵, позволив большевикам неожиданно атаковать этот населенный пункт.

Разгром отряда Покровского был во многом фатален для исхода Первого Кубанского «Ледяного» похода Добровольческой армии генерала Л. Г. Корнилова, двигавшейся в те самые дни из Ростова-на-Дону к Екатеринодару и надеявшейся найти на Кубани базу. Если бы покровцы не были разгромлены, то Екатеринодар, возможно, не был бы эвакуирован в самый неподходящий для Добровольческой армии момент³⁶. Однако об эвакуации Екатеринодара, «земли обетованной» для большинства корниловцев, в штабе армии еще ничего известно не было.

В Кореновской, отстоявшей от Екатеринодара всего в 70 верстах, командованием Добровольческой армии было получено ужасное известие: в ночь на 1 марта 1918 г. Кубанский правительственный отряд полковника Покровского, войсковой атаман А. П. Филимонов и Рада оставили Екатеринодар и ушли в Закубанье³⁷. Слухи об этом доходили до добровольцев и раньше, но армия им не верила, считая их большевистской «уткой»³⁸. Теперь же правда стала, наконец, известна всем.

Судьба Екатеринодара решилась во время совещания в Атаманском дворце, который уместно было бы сравнить с известным советом в Филях. Совещание старших начальников и представителей Рады проходило 22 февраля 1918 г. На нем было принято единогласное решение об оставлении города, ввиду невозможности его оборонять перед растущим натиском большевиков³⁹. «Категорически», по словам атамана А. П. Филимонова, высказался за необходимость оставления Екатеринодара и представитель Добровольческой армии генерал И. Г. Эрдели, с которым согласился и полковник В. Л. Покровский⁴⁰. Свое мнение Эрдели не изменил и после прибытия к нему офицера от генерала Корнилова с извещением о движении добровольцев с Дона на Кубань⁴¹. Огромное превосходство большевиков в живой силе

и, несомненно, отсутствие уверенности в скором подходе армии Корнилова предопределили решение об оставлении города. Кубанские власти подчинились постановлению совещания. Перед уходом Радой были распространены воззвания, в которых она объясняла причины оставления города и заявляла, что при изменившихся обстоятельствах она надеется стать во главе казачества⁴². По оставлении Екатеринодара все войсковые соединения и отдельные группы подчинялись Покровскому, отряд которого теперь насчитывал до трех тысяч боевого элемента⁴³. Сборным пунктом для всех войсковых частей был назначен горский аул Шенджий, в 20 верстах от Екатеринодара⁴⁴. Ушедшие из столицы Кубани правительственные войска преследовались отрядами красных партизан, уничтожавших, по словам советского мемуариста, «остатки краснодарской контрреволюции — отсиживавшихся в горах»⁴⁵. В плен красные партизаны никого не брали — зарубали противника прямо на месте⁴⁶.

Существует и другая, можно сказать, альтернативная, версия причин оставления Екатеринодара, порожденная оппонентами Покровского, и в первую очередь журналистом А. А. Сувориным. Суть ее сводится к тому, что Екатеринодар, бывший конечной целью Ледяного похода, антибольшевистские силы могли удерживать еще хотя бы несколько дней⁴⁷. Именно об этом буквально умолял Корнилов, убеждая Покровского продержаться до подхода добровольцев⁴⁸. Но Покровский предпочел оставить город, сделав вид, что не доверяет гонцам от Корнилова и расценив это как провокацию большевиков. Если верить этой версии, то Покровский оставил Екатеринодар абсолютно сознательно, понимая, что в случае прихода армии генерала Корнилова в столицу Кубани головокружительная карьера вчерашнего капитана оборвется в самом ее начале⁴⁹. Вряд ли 29-летний кубанский военачальник мог рассчитывать на сколько-нибудь заметное положение в Добровольческой армии, в которой без должностей, на положении рядовых, находились в тот момент и куда более, чем он сам, заслуженные старые полковники. «Боязнь сильной личности Корнилова», опасение совершенно потеряться при нем, — рассуждал А. Суворин, — отпугнула... Покровского, и сыграла роковую роль во всем исходе Первого Кубанского похода»⁵⁰. Однако, если не принимать во внимание личный фактор, иначе говоря, — Покровского, то нужно сказать и о том, что среди членов Рады царила полная растерянность, деморализация, большевистское кольцо вокруг Екатеринодара все суживалось, силы защитников города были на исходе, резервов не было, а главное — люди, посланные на Дон, где, по слухам, была армия Корнилова, назад не возвращались и о добровольцах никакой информации на Кубани не было; имя Корнилова, как выразился в своих воспоминаниях один из кубанцев, «носилось в воздухе как миф», который становился все менее реальным⁵¹. Попытки кубанцев наладить связь с Корниловым через радиостанцию оказались неудачными⁵². В Добровольческой армии в то время радиостанции попросту не было, и Покровскому и Корнилову обнаружить друг друга в самый ответственный для южнорусского антибольшевистского движения момент не удалось⁵³. Город был оставлен, а кубанцы устремились на поиски Корнилова. Ходили слухи,

что Покровский заявил в одной из бесед: «...каких это ни стоило бы жертв, мы должны соединиться с Корниловым»⁵⁴. По словам осведомленного В. Леонтовича, служившего в отряде Покровского: «Среди надежд на будущее и предположений, над всем главенствовала одна мысль, — соединение с войсками генерала Корнилова, увеличение таким образом сил и возвращение вновь в Екатеринодар»⁵⁵. Так или иначе — можно ли винить за это кубанцев и лично Виктора Леонидовича Покровского, героически защищавших город от превосходящих сил неприятеля, или нельзя, — но Екатеринодар был оставлен, а Добровольческая армия теперь должна была «переигрывать» свои планы в порядке импровизации.

Как верно заметил генерал А. И. Деникин, после падения Екатеринодара терялась идея всей операции⁵⁶. Нужно было идти дальше. Но куда? «Возвращаться назад было немыслимо. Идти на Екатеринодар, разбить противника и этим резко изменить настроение Кубани в свою пользу? Или перейти Кубань и в горах, в горных станицах и черкесских аулах, по всем вероятностям, еще не тронутым большевизмом, дать отдых измученной Добровольческой армии», — так охарактеризовал обстановку генерал А. П. Богаевский⁵⁷. За первое решение стояли генералы А. И. Деникин и И. П. Романовский. Большинство же начальников, в том числе и генерал Корнилов, остановились на втором, надеясь дать утомленным добровольцам отдых за Кубанью.

Пройдя с боями через станицы Некрасовскую и Филипповскую, Добровольческая армия вышла в предгорья Кавказа, в Адыгею⁵⁸. Здесь 13 марта армия стала на ночлег в ауле Шенджий, а уже на следующий день, 14 марта, в ауле произошла встреча добровольческого командования с В. Л. Покровским, произведенным Кубанской Радой в этот день в генералы⁵⁹. Вместе с Покровским в Шенджий прибыли начальник Полевого штаба В. Г. Науменко, конвойная сотня и сотня черкесов, на папах которых виднелась наискосок зеленая лента с мусульманским полумесяцем, а впереди реяло такое же знамя. Кубанцы перед встречей с Корниловым испытывали понятный трепет: им предстояло увидеть человека, известного всей России. Но если кубанцы относились к вождю Добровольческой армии с пиететом, то Корнилов и его соратники, скорее всего, видели в Покровском удачливого авантюриста, и не более того; его же генеральский чин, в который его произвела Кубанская Рада, вызывал у добровольцев в лучшем случае иронию. По словам мемуариста, полковника И. Ф. Патронова, Кубанская Рада «действительно имела основание произвести его (В. Л. Покровского. — А. П.) хоть в фельдмаршалы»⁶⁰.

Обычно говорится о соединении 14 марта армии Корнилова с отрядом Покровского⁶¹. На самом деле, в этот день произошел лишь первый раунд переговоров с Покровским об условиях присоединения его отряда к Добровольческой армии, а первая встреча кубанцев с разъездом корниловцев под командованием полковника В. П. Барцевича имела место еще 11 марта⁶². Точные сведения о дислокации армии Корнилова, полученные 11 марта, и обусловили приезд Покровского в Шенджий⁶³.

Переговоры 14 марта проходили непросто. Командованием Добровольческой армии Покровский был встречен не слишком приветливо⁶⁴. Корнилов резко обозначил приемлемые, на его взгляд, условия соединения: полное подчинение командующему и вхождение кубанских войск в состав Добровольческой армии. Если верить свидетельству мемуариста, то войска кубанского отряда в массе своей были готовы немедленно перейти под командование генерала Корнилова⁶⁵.

Однако самолюбие высших начальников, увы, тормозило переговорный процесс: Покровский возражал, говоря о том, что кубанские власти желают иметь свою собственную армию, а это, в свою очередь, отвечает настроениям самих казаков. По мнению новоиспеченного генерала, на кубанскую армию произвело бы дурное впечатление, если бы ее передали «пришлецам» (именно так не слишком грамотный Покровский назвал добровольцев)⁶⁶. Виктор Леонидович, в свою очередь, предлагал сохранение самостоятельного «кубанского отряда» и оперативное подчинение его генералу Корнилову. Какой-то наглый «выскачка» пытался на равных говорить с двумя бывшими Верховными Главнокомандующими всей русской армией в Великую войну, — так, вероятно, расценивали поведение Покровского основатель Белого движения на Юге России генерал М. В. Алексеев и Командующий Добровольческой армией генерал Л. Г. Корнилов⁶⁷. Последний в ультимативной форме потребовал подчинения кубанцев и перехода их под его командование. Хотя вопрос и остался открытым, стратегическая обстановка не допускала промедления. Стороны условились, что 15 марта оба отряда одновременным ударом захватят станицу Новодмитриевскую. Обоз Добровольческой армии должен был перейти в станицу Калужскую и находиться там вместе с обозом кубанцев⁶⁸.

Переход 15 марта из аула Шенджий к станице Новодмитриевской и бой за нее стали одной из важнейших составляющих белогвардейской «легенды». Белые в тот день столкнулись не только с противником, но и с пронизывающим все ветром, ледяным дождем и вьюгой. Эта снежная вьюга и закрепила название за походом — «Ледяной», известным больше, чем Первый Кубанский, Добровольческий и Корниловский⁶⁹.

Через день, 17 марта 1918 г., в Новодмитриевской состоялось совещание представителей Кубанского отряда и Добровольческой армии, председательствовал на котором генерал М. В. Алексеев. Обсуждению по существу подлежал только один вопрос: как быть с Кубанской армией. Позиция добровольческого командования ничуть не изменилась с момента первой встречи с Покровским тремя днями ранее. Кубанцы же хотели сохранить армию, подчинив ее главному командованию генерала Корнилова. Последний объявил о том, что уведет добровольцев в горы, если кубанцы не примут его условия. Под сильным давлением командования Добровольческой армии кубанцы вынуждены были принять условия соглашения⁷⁰. В кратком изложении соглашение состояло из трех пунктов: командование объединенным отрядом кубанцев и добровольцев пере-

давалось генералу Корнилову; Войсковое Правительство, Законодательная Рада и Войсковой атаман всемерно содействуют успешной деятельности Добровольческой армии; Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии. Все присутствующие подписали протокол совещания⁷¹. Соединение с отрядом Покровского удваивало силу Добровольческой армии, численность которой возросла до 6000 бойцов (еще около 3000 человек составляла численность раненых, обоза и гражданских лиц), что вызвало у измученных тяжелым переходом добровольцев новую надежду на конечный успех похода. По сути, численность армии возросла в два раза, что и позволило Корнилову начать движение на Екатеринодар, как справедливо пишет московский историк Р. Г. Гагкуев⁷². В свою очередь, советский историк И. Разгон заявлял о том, что красное командование на Кубани допустило «большую ошибку», позволив Добровольческой армии проникнуть вглубь области, а еще «большей ошибкой было допущение соединения “добровольческой” (советские историки, игнорируя правила русского языка, считали необходимым писать название армии Корнилова с маленькой буквы и в кавычках. — А. П.) с белыми кубанскими частями в ауле Шенджий»⁷³. По мнению Разгона, эти ошибки «объяснялись слабостью молодой советской власти на Кубани и хаотичностью организации ее вооруженных сил»⁷⁴.

Соединение Корнилова и кубанцев произошло именно в тот момент, когда последние уже не верили в свое спасение. Войсковой атаман полковник Филимонов дал, как кажется, правильную оценку произошедшему объединению двух отрядов — Корнилова и Покровского: «В спасении кубанцев было спасение добровольцев». Он же добавил: «Порознь каждый отряд был слаб и осужден на гибель; вместе они составляли силу, способную на борьбу»⁷⁵. Вместе с тем какой-то особенной приязни друг к другу после напряженных переговоров стороны не испытывали. Кубанцы получили ощутимый удар по самолюбию, и пошли на соединение с Корниловым лишь из боязни быть разбитыми поодиночке⁷⁶. Удачную дефиницию соглашения добровольцев и кубанцев выбрал в своей статье с «говорящим» названием «Сепаратисты в стане Деникина» историк И. Белоусов, назвав это соглашение «шатким компромиссом»⁷⁷. Схожим образом расценивает подписанное соглашение и краснодарский историк С. М. Сивков⁷⁸.

Вообще, отношения добровольцев и казачества — сюжет очень сложный. Можно смело говорить о том, что вожди Добровольческой армии в массе своей не понимали и не принимали казачества и его специфических обычаев, рассматривая казаков как источник для пополнения армии и силу, позволяющую решать задачи армии, то есть задачи общерусские. Как следствие, происходило столкновение двух патриотизмов — регионального, казачьего, и русского, олицетворяемого Добровольческой армией, а персонально — ее вождями. В дальнейшем противоречия между добровольческим командованием и кубанской властью

никуда не исчезли, достигнув своего апогея в ноябре 1919⁷⁹. Однако этот сюжет уже выходит за рамки данной статьи.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р–5881. Оп. 1. Д. 344. Воспоминания есаула Н. Д. Колоколова. Л. 11–12.

² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2369. Оп. 1. Д. 26. Л. 115–116.

³ Чрезвычайная Рада Кубанского Края. Стенографический отчет. Екатеринодар, 1918. Ч. I. С. 109–111.

⁴ Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р–6. Оп. 2. Д. 19. Л. 28, 43–51.

⁵ *Елисеев Ф.* Войсковой старшина Петр Галаев // Первопоходник. Лос-Анжелес. 1973. № 11. С. 11.

⁶ Кубань и Добровольческая Армия в 1918–1919 гг. / Вводная статья, подготовка текста и комментарии В. Г. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1994. Кн. 5. С. 81–83.

⁷ *Леонтович В.* Первые бои на Кубани. Мюнхен, 1923. С. 20.

⁸ *Скобцов Д. Е.* Три года революции и Гражданской войны на Кубани. Париж, [б. г.]. Т. I. С. 67.

⁹ Полковник Крамаров. Воспоминания об отряде «Спасения Кубани» // Первопоходник. 1975. № 25. С. 14.

¹⁰ *Третьяков В.* Первые добровольцы на Кубани и кубанцы в 1-ом походе // Военная быль. Париж. 1957. № 24. С. 18–19.

¹¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 9959. Оп. 1. Д. 6. Л. 2. Листовка екатеринодарского комитета РСДРП(б). Ноябрь 1917.

¹² *Метелев А.* Кубанское крестьянство в борьбе с корниловщиной // Пролетарская революция. 1926. № 4 (51). С. 90.

¹³ Там же. С. 90–91.

¹⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1802. Воспоминания большевика А. Х. Феина. Л. 10.

¹⁵ Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р–1711. Литвинов А. Ф. «Первый ревком». О работе 1-го Кубанского военно-революционного комитета. 1964 г. Л. 2.

¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1844. Воспоминания председателя Новороссийского Совета рабочих и солдатских депутатов М. М. Лучина. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3893. Воспоминания А. С. Добровольского, комиссара Народного банка в г. Новороссийске в 1918 г. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ *Метелев А.* Кубанское крестьянство в борьбе с корниловщиной. С. 92.

²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1844. Л. 3.

²¹ *Метелев А.* Кубанское крестьянство в борьбе с корниловщиной. С. 93.

²² *Рондо А.* К истории борьбы с контрреволюцией на Северном Кавказе // Путь коммунизма. Краснодар. 1922. Кн. 3. С. 19.

²³ Серадзе был тяжело ранен и попал в плен, где был расстрелян. (См.: Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774–Р. Оп. 2. Д. 251. Воспоминания С. А. Воробьева об Энемском бое. Л. 6.)

²⁴ *Скобцов Д. Е.* Три года революции и Гражданской войны на Кубани. Т. I. С. 67.

²⁵ *Леонтович В.* Первые бои на Кубани. С. 57.

²⁶ *Третьяков В.* Первые добровольцы на Кубани и кубанцы в 1-ом походе. С. 19.

- ²⁷ Рондо А. К истории борьбы с контрреволюцией на Северном Кавказе. С. 19.
- ²⁸ Российский государственный военный архив. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 29. Л. 100–101.
- ²⁹ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 12. (Истпарт). Оп. 3. Д. 252. Воспоминания добровольца Глушко «Белое движение на Кубани». Л. 4.
- ³⁰ Скобцов Д. Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани. Т. 1. С. 69–70.
- ³¹ Филимонов А. Письмо в редакцию // Казачьи думы. София, 1924. № 20. С. 27.
- ³² Федоренко Л. Организация контрреволюции на Кубани и Кубанская Краевая Рада (Воспоминания б. члена Рады) // Путь коммунизма. Краснодар, 1922. Кн. 3. С. 93.
- ³³ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 275. Воспоминания добровольца Ф. П. Бурцева. Л. 50–51.
- ³⁴ Чрезвычайная Рада Кубанского края. Стенографический отчет. Екатеринодар, 1918. Ч. I. С. 112.
- ³⁵ Леонтович В. Первые бои на Кубани. С. 65; Макаренко П. Л. Рецензия на книгу проф. Ген. Штаба полк. А. Зайцова «1918 год» // Вольное казачество. Париж, 1935. № 172. С. 15.
- ³⁶ Филимонов А. П. Кубанцы // Белое дело. Ледяной поход. М., 1993. С. 154–156.
- ³⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 2. С. 247.
- ³⁸ Хаджиев Х. Великий Бояр. Белград, 1929. С. 322.
- ³⁹ Быч Л. Л. Большевизм на Кубани // Донская волна. Новочеркасск, 1918. № 21. С. 3. — К тому времени внутри города была организована Красная гвардия, штаб которой возглавляли П. Асаульченко, Т. Сухинин и Л. Ивницкий. Большевиками была прекрасно организована работа служба разведки, и везде, включая штаб Покровского, имелись свои информаторы. (Асаульченко П. В тяжелые дни // Путь коммунизма. 1922. Кн. 3. С. 83–84.)
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 37. Письмо Филимонова Деникину. 8 июля 1924. Л. 1.
- ⁴¹ Филимонов А. Письмо в редакцию... С. 27.
- ⁴² Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923. С. 79.
- ⁴³ Сербин Ю. Генерал В. Л. Покровский // Первые бои Добровольческой армии. М., 2001. С. 262–263.
- ⁴⁴ Филимонов А. П. Кубанцы... С. 156.
- ⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1802. Воспоминания А. Х. Федина. Л. 11.
- ⁴⁶ Там же. Л. 12.
- ⁴⁷ Суворин А. Поход Корнилова. Ростов-на-Дону, 1919. С. 48.
- ⁴⁸ Бакулин. Борьба за Екатеринодар // Путь коммунизма. Краснодар. 1923. № 1. С. 104. — Одно из писем Корнилова Кубанскому правительству было перехвачено советским командованием.
- ⁴⁹ Ковган П. Записки неуча. Харбин, 1927. Т. 1. С. 145–147.
- ⁵⁰ Суворин А. Поход Корнилова. Ростов-на-Дону, 1919. С. 48.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 344. Л. 44.
- ⁵² Мясч А. Вступление в Кубанский отряд. Выход из Екатеринодара в Первый Поход // Первопоходник. 1971. № 1. С. 23–24.
- ⁵³ Третьяков В. Первые добровольцы на Кубани и кубанцы в 1-ом походе. С. 19.
- ⁵⁴ Рындин. С Кубани на Дон // Октябрь на Кубани и Черноморье. Краснодар, 1924. С. 150.
- ⁵⁵ Леонтович В. Первые бои на Кубани. С. 69.
- ⁵⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 247.
- ⁵⁷ Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк, 1983. С. 85.
- ⁵⁸ Цветков В. Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 81.
- ⁵⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 266.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 558. Л. 21.
- ⁶¹ Цветков В. Ж. Лавр Георгиевич Корнилов... С. 81.

- ⁶² Леонтович В. Первые бои на Кубани. С. 82–83.
- ⁶³ Филимонов А. П. Кубанцы... С. 163–164.
- ⁶⁴ Сербин Ю. Белая борьба на Кубани. 1917–1918 гг. // Вестник первоходника. 1968. № 76–78. С. 71.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р–5881. Оп. 2. Д. 219. Л. 10.
- ⁶⁶ Суворин А. Поход Корнилова. С. 80.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р–5881. Оп. 2. Д. 374. Л. 5.
- ⁶⁸ Гребенкин И. Н. Добровольцы и Добровольческая армия: на Дону и в Ледяном походе. Рязань, 2005. С. 143.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р–6422. Оп. 1. Д. 10. Л. 68.
- ⁷⁰ Там же. Ф. Р–5881. Оп. 2. Д. 255. Л. 116.
- ⁷¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 277–278.
- ⁷² Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 125.
- ⁷³ Разгон И. Разгром Корнилова на Кубани // Военно-исторический журнал. 1940. № 2. С. 33.
- ⁷⁴ Там же. С. 33.
- ⁷⁵ Филимонов А. П. Кубанцы... С. 164.
- ⁷⁶ Лобанов В. Б. Власть, общество и оппозиция на Юге России во время Гражданской войны // Общество и власть. СПб., 2003. С. 184.
- ⁷⁷ Белоусов И. Сепаратисты в стане Деникина // Родина. 1995. № 2. С. 90.
- ⁷⁸ Сивков С. М. Сепаратизм как средство самосохранения в годы Гражданской войны (По материалам Кубани и Черноморья) // Гражданская война в России: Материалы Десятой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1998. С. 142.
- ⁷⁹ Подробнее см.: Пученков А. С. Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XII. М., 2012. С. 385–406.

Puchenkov A. S. The Antibolshevik Movement on Kuban in the Beginning of the Civil War (November 1917 – March 1918): from the History of General V. L. Pokrovsky' Detachment

ABSTRACT: The article is devoted to the beginning of the Civil war in the Kuban region (November 1917 – March 1918). The focus is on the relationship between Kuban General V. L. Pokrovsky and General L. G. Kornilov, commander of the Volunteer Army, during the Volunteer Army' "Ice March" to Ekaterinodar.

KEYWORDS: Civil War, Kuban region, general V. L. Pokrovsky, L. G. Kornilov, White guard.

AUTHOR: Candidate of History (Saint-Petersburg); ap80@mail.ru

REFERENCES:

¹ Russian Federation State Archive.

² Russian State Military and Historical Archive.

³ Chrezvychainaia Rada Kubanskogo Kraia. Stenograficheskii otchet. Ekaterinodar, 1918. P. I.

- ⁴ Krasnodar region State Archive.
- ⁵ *Eliseev F.* Voiskovoi starshina Petr Galaev // Pervopokhodnik. Los-Angeles. 1973. N 11.
- ⁶ Kuban i Dobrovolcheskaia Armia v 1918–1919 gg. / Vvodnaia statia, podgotovka teksta i kommentarii V. G. Bortnevsogo // Russkoe proshloe. Istoriko-dokumentalnyi almanakh. 1994. Kn. 5.
- ⁶ *Leontovich V.* Pervye boi na Kubani. Munich, 1923.
- ⁷ *Skobtcov D. E.* Tri goda revoliucii i Grazhdanskoj voiny na Kubani. Paris. Vol. I.
- ⁸ Polkovnik Kramarov. Vospominaniia ob otriade "Spaseniia Kubani" // Pervopokhodnik. 1975. N 25.
- ⁹ *Tretiakov V.* Pervye dobrovoltsy na Kubani i kubantcy v 1-om pokhode // Voennaia byl. Paris. 1957. N 24.
- ¹⁰ Saint-Petersburg Central State Archive.
- ¹¹ *Metelev A.* Kubanskoe krestianstvo v borbe s kornilovshchinoi // Proletarskaia revoliuciia. 1926. N 4 (51).
- ¹² Saint-Petersburg Central State Archive of Social and Political Documents.
- ¹³ *Rondo A.* K istorii borby s kontrrevoliuciei na Severnom Kavkaze // Put kommunizma. Krasnodar. 1922. Kn. 3.
- ¹⁴ Modern history of Krasnodar region documentation center.
- ¹⁵ Russian State Military Archive.
- ¹⁶ Modern history of Rostov region documentation center.
- ¹⁷ *Filimonov A.* Pismo v redakciiu // Kazachi dумы. Sofia, 1924. N 20.
- ¹⁸ *Fedorenko L.* Organizatciia kontrrevoliucii na Kubani i Kubanskaia Kraevaia Rada (Vospominaniia b. chlena Rady) // Put kommunizma. Krasnodar, 1922. Kn. 3.
- ¹⁹ *Makarenko P. L.* Retcenzii na knigu prof. Gen. Shtaba polk. A. Zaitcova "1918 god" // Volnoe kazachestvo. Paris, 1935. N 172.
- ²⁰ *Filimonov A. P.* Kubantcy // Beloe delo. Ledianoj pokhod. Moscow, 1993.
- ²¹ *Denikin A. I.* Ocherki russkoj smuty. Moscow, 2003. Vol. 2.
- ²² *Khadzhiev Kh.* Velikii Boiar. Belgrade, 1929.
- ²³ *Bych L. L.* Bolshevizm na Kubani // Donskaia volna. Novocherkassk, 1918. N 21.
- ²⁴ *Asaulchenko P. V.* Tiazhelye dni // Put kommunizma. 1922. Kn. 3.
- ²⁵ *Ladokha G.* Ocherki grazhdanskoj borby na Kubani. Krasnodar, 1923.
- ²⁶ *Serbin Yu.* General V. L. Pokrovskii // Pervye boi Dobrovolcheskoj armii. Moscow, 2001.
- ²⁷ *Suvorin A.* Pokhod Kornilova. Rostov-na-Donu, 1919.
- ²⁸ Bakulin. Borba za Ekaterinodar // Put kommunizma. Krasnodar. 1923. N 1.
- ²⁹ *Kovgan P.* Zapiski neucha. Kharbin, 1927. Vol. 1.
- ³⁰ *Miach A.* Vstuplenie v Kubanskii otriad. Vychod iz Ekaterinodara v Pervyi Pokhod // Pervopokhodnik. 1971. N 1.
- ³¹ Ryndin. S Kubani na Don // Oktiabr na Kubani i Chernomori. Krasnodar, 1924.
- ³² *Bogaevskii A. P.* 1918 god. Ledianoj pokhod. New York, 1983.
- ³³ *Tcvetkov V. Zh.* Lavr Georgievich Kornilov // Voprosy istorii. 2006. N 1.
- ³⁴ *Serbin Yu.* Belaia borba na Kubani. 1917–1918 gg. // Vestnik pervopokhodnika. 1968. N 76–78.
- ³⁵ *Grebenkin I. N.* Dobrovoltsy i Dobrovolcheskaia armia: na Donu i v Ledianom pokhode. Ryazan, 2005.
- ³⁶ *Gagkuev R. G.* Beloe dvizhenie na Iuge Rossii. Voennoe stroitelstvo, istochniki komplektovaniia, sotcialnyi sostav. 1917–1920 gg. Moscow, 2012.
- ³⁷ *Razgon I.* Razgrom Kornilova na Kubani // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1940. N 2.
- ³⁸ *Lobanov V. B.* Vlast, obschestvo i oppozitciia na Iuge Rossii vo vremia Grazhdanskoj voiny // Obschestvo i vlast. St. Petersburg, 2003.
- ³⁹ *Belousov I.* Separatisty v stane Denikina // Rodina. 1995. N 2.
- ⁴⁰ *Sivkov S. M.* Separatizm kak sredstvo samosokhraneniia v gody Grazhdanskoj voiny (Po materialam Kubani i Chernomoria) // Grazhdanskaia vojna v Rossii: Materialy Desiatoi Vserossiiskoi zaochnoi nauchnoi konferencii. St. Petersburg, 1998.
- ⁴¹ *Puchenkov A. S.* Denikin i Kuban v 1919 godu: dva epizoda otnoshenii // Russkii sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii. Vol. XII. Moscow, 2012.